

Надеждой дух наш оживлен.
 Так милое весны явление
 С собой приносит нам забвеньё
 Всех мрачных ужасов зимы.

При таком однообразии в изображении «оного ужаса» в одах 1762—1763 гг. тем более замечательно, что сам Ломоносов в своей оде на переворот (II, 51) менее всего повторяет самого себя. Только раз (строфа 16) рудиментарно мелькает старая, уже известная нам Малербова тема:

Теперь злоумышленье в яме
 За гордость свержено лежит

Ср. *Cet effroyable colosse,
 Cazaux, l'appui des mutins,
 A mis le pied dans la fosse
 Que lui cavaient les destins*

(Из той же оды 1596 г.)

Но это исключение. Вся ода нова и неподвижно нова. Новизна эта, как правильно заметил Сиповский, роднит оду с буржуазно-гражданским пафосом 1760-х годов (который проникает в пояснительно-оправдательную часть манифеста Екатерины II). Ломоносов в последние годы своей жизни был вовсе не так чужд новым буржуазным тенденциям 60-х годов, как это часто думают. Ода 1762 г. исходит из концепции просвещенного абсолютизма. Именно эта новизна содержания, перерождая оду изнутри, заставляет ее сбросить старую кожу. Строфы 17 (Услышьте, судии земные и все державные главы...), строфы 22 (О коль монарх благополучен, кто знает россами владеть...) Ломоносов не написал бы ни в 1747 г. (год мусической оды), ни даже в 1757 г. (год антифридриховой оды), хотя и тогда Ломоносов был преимущественно поэтом буржуазных тенденций в развитии страны. Они показались бы ему не только слишком смелыми, но и слишком внеодичными. В концепции абсолютистской оды, всякий монарх «знает владеть россами»; ныне, в концепции просвещенно-абсолютистской оды, вовсе не всякий. По-старинному, краткое царствование Петра III было бы названо «оний ужас», т. е. названо условным, почти техническим речением. Здесь же оно изображено как эпоха национального стыда: